

Нет автора

**Отчет о седьмом присуждении наград графа
Уварова**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Отчет о седьмом присуждении наград графа Уварова / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 85 с.

ISBN 978-5-458-00245-5

ISBN 978-5-458-00245-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЧЕТЪ

О СЕДЬМОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ НАГРАДЪ ГРАФА УВАРОВА,

читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ
25-го сентября 1864 года Непремѣннымъ Секретаремъ Академикомъ
К. С. Веселовскимъ.

Сочиненій по части русской и славянской исторіи, представленныхъ, въ нынѣшнемъ году, на соисканіе наградъ графа Уварова, было *три*. Для разсмотрѣнія ихъ и для постановленія о нихъ приговора, Общее Собраніе Академіи, въ засѣданіи 10 января, согласно съ правилами объ Уваровскихъ наградахъ, назначило Комиссію, подъ предсѣдательствомъ Непремѣннаго Секретаря, изъ гг. академикомъ: Н. Г. Устрялова, П. П. Пекарскаго, И. И. Срезневскаго, А. А. Куника, П. С. Билярскаго, Я. К. Грота и В. В. Вельяминова-Зернова.

Ознакомившись съ подлежащими ей сужденію сочиненіями, Комиссія, на основаніи § 11 Положенія о сихъ наградахъ, избрала для содѣйствія себѣ постороннихъ рецензентовъ изъ числа извѣстныхъ специалистовъ, и пригласила ихъ доставить разборы конкурсныхъ сочиненій къ назначенному для того сроку.

По полученіи этихъ разборовъ, Комиссія приступила къ обсужденію сравнительнаго достоинства состязавшихся сочиненій, и въ засѣданіи 4 сентября, единогласнымъ постановленіемъ положила: *два изъ нихъ удостоить меньшихъ Уваровскихъ наградъ* (въ 500 руб. каждая).

Эти сочиненія суть:

I.

Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 года до основанія Академіи Художествъ, сочиненіе Д. А. Ровинскаго, рукопись.

Еще въ 1857 году, г. Ровинскій представилъ на соисканіе Уваровскихъ наградъ сочиненіе, которое въ то время было удостоено Академіею почетнаго отзыва. Оно было разсмотрѣно извѣст-

нымъ нашимъ писателемъ-археологомъ В. В. Стасовымъ, который тогда составилъ весьма обширный и обстоятельный разборъ этого сочиненія. Съ тѣхъ поръ г. Ровинскій не покидалъ изслѣдованій, составляющихъ предметъ его сочиненія, и пользуясь указаніями критика, подвергъ свой трудъ совершенной переработкѣ. Въ этомъ новомъ видѣ его сочиненіе и явилось на нынѣшній конкурсъ.

Имѣя въ виду, что г. Стасовъ въ подробности знакомъ съ прежнимъ трудомъ г. Ровинскаго, и что его замѣчанія много облегчили для автора дополненіе и усовершенствованіе его труда, Академія сочла полезнымъ и необходимымъ обратиться снова къ содѣйствію нашего извѣстнаго археолога и поручить его остроумной критикѣ новую редакцію разсмотрѣннаго имъ сочиненія.

Исполняя порученіе Академіи и увлекаясь любовью къ предмету, г. Стасовъ и на этотъ разъ написалъ весьма обширный разборъ, въ которомъ прежде всего заявляетъ, что, начиная уже съ самаго заглавія, указывающаго на несравненно болѣе расширенную программу, все въ новомъ сочиненіи является инымъ. Прежнее изслѣдованіе, носившее названіе: *Обзорніе русскаго чеканованія на металлы и на деревѣ съ 1564 до 1725 года*, останавливалось на первой четверти XVIII-го столѣтія; новое же сочиненіе обнимаетъ собою періодъ времени гораздо болѣе продолжительный, а именно съ конца XV столѣтія до 1764 года. Уже одно это расширеніе рамки изслѣдованія даетъ сочиненію г. Ровинскаго совершенно иное значеніе. Кромѣ того, новое сочиненіе отличается отъ прежняго и значительно большею полнотою. Имѣя предъ собою замѣчанія и указанія, вызванныя первымъ трудомъ его, авторъ воспользовался всѣмъ тѣмъ матеріаломъ для исторіи русской гравюры, который представляютъ богатые и многочисленныя коллекціи въ Петербургѣ и Москвѣ, и это дало ему возможность увеличить объемъ сочиненія по крайней мѣрѣ въ четыре или пять разъ противъ прежняго. Онъ пользовался драгоценными собраніями старопечатныхъ книгъ, книгъ Петровскаго времени и эстамповъ въ отдѣльныхъ листахъ, находящимися въ С. Петербургской Публичной Библіотекѣ, въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, въ Академіи Наукъ, въ Московскомъ Университетѣ, въ Генеральномъ Штабѣ, въ Эрмитажѣ, въ Академіи Художествъ, въ частныхъ собраніяхъ: княг. Бѣлосельской, гг. Власова, Безсонова, Большакова, Лихачева и др., наконецъ въ богатой собственной коллекціи. При этомъ авторъ съ особеннымъ тщаніемъ изучилъ всѣ рукописныя и пе-

чатные источники, которые могли быть ему полезны. Особенно важным источником исторических свѣдѣній о русской гравюрѣ Петровскаго и послѣ-Петровскаго времени служили автору рукописныя извѣстія о Шхонебекѣ и его школѣ, находящіяся въ Академіи Наукъ (въ бумагахъ академика Гамеля), извѣстія о художествахъ въ Россіи Штелина, принадлежація самому г. Ровинскому, а также бумаги, находящіяся въ архивахъ Академіи Наукъ. Извѣстное сочиненіе г. Пекарскаго *Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ*, всѣ до сихъ поръ изданные каталоги старопечатныхъ русскихъ книгъ, нѣкоторыя извѣстныя иностранныя сочиненія (Пассавана, Наглера, Базана и т. п.), были также приняты авторомъ въ соображеніе.

При изложеніи своего труда, г. Ровинскій руководствовался болѣе стройнымъ чѣмъ прежде планомъ, раздѣливъ свое сочиненіе на слѣдующія главы: 1) о гравированіи на деревѣ, 2) о гравированіи на мѣди, 3) о гравированіи черной манерой, 4) о гравированіи карандашной манерой. Въ этихъ главахъ читатель находитъ сжатый, но удовлетворительный обзоръ исторіи русской гравюры въ главныхъ ея проявленіяхъ. Затѣмъ слѣдуетъ словарь русскихъ граверовъ, существеннѣйшая составная часть сочиненія, въ которой содержатся главные результаты изслѣдованій автора. Въ заключеніе, представленъ рядъ приложений, которыя придаютъ особенную важность сочиненію, вслѣдствіе заключающихся въ нихъ матеріаловъ, и служатъ превосходнымъ дополненіемъ къ предыдущимъ двумъ существеннымъ составнымъ частямъ сочиненія: историческому обзорѣнню и лексикону граверовъ. Приложенія эти суть слѣдующія: 1) подлинныя документы о граверѣ Шхонебекѣ и его ученикахъ, и о граверахъ, бывшихъ при Академіи Наукъ съ 1754 по 1766 годъ; 2) о различныхъ способахъ гравированія и печатанія гравюръ; о достоинствахъ отпечатковъ, ихъ цѣнности и проч.; 3) краткія свѣдѣнія о разныхъ собраніяхъ русскихъ гравюръ; 4) о русскихъ лубочныхъ картинкахъ; 5) хронологическій списокъ русскихъ граверовъ на мѣди и на деревѣ, и наконецъ 6) таблица монограммъ русскихъ граверовъ.

Очеркъ исторіи гравированія на деревѣ начинается краткимъ исчисленіемъ главныхъ фактовъ изъ исторіи гравюры на деревѣ въ Западной Европѣ. Результаты новѣйшихъ изслѣдованій по этому предмету изложены съ наибольшою полнотою въ сочиненіи Пассавана *Le peintre-graveur*, справедливо пользующемся классическою извѣстностью, и потому г. Ровинскій поступилъ, по мнѣ-

нію рецензента, вполнѣ правильно, взявши эту книгу за основаніе для своего вступительнаго изложенія исторіи европейской гравюры на деревѣ. Далѣе, въ бѣгломъ очеркѣ, онъ говоритъ объ изданіяхъ типографій: краковской, южно-славянскихъ, пражской, и затѣмъ переходитъ къ ксилографическимъ произведеніямъ собственно русскимъ, сначала московскимъ, потомъ кіево-львовскимъ, виленскимъ, бѣлорусскимъ и кочевымъ, черниговскимъ, новгородъ-сѣверскимъ, иверскимъ и наконецъ могилевскимъ. Не смотря на сжатость изложенія, мы здѣсь находимъ указаніе главныхъ моментовъ исторіи гравюры, главнѣйшихъ изданій, характеризующихъ каждую эпоху и каждую школу. Такъ какъ посреди значительнаго количества эстамповъ, гравированныхъ на деревѣ, вышедшихъ изъ всѣхъ этихъ школъ, главный интересъ для насъ имѣютъ произведенія школъ московской и кіево-львовской, то г. Ровинскій останавливается на нихъ съ особеннымъ вниманіемъ. При этомъ у него подробно описана и разсмотрѣна *первая русская гравюра*, Евангелистъ Лука, въ Московскомъ Апостолѣ 1564 года; затѣмъ она сравнена съ подобными же гравюрами въ Львовскомъ Апостолѣ 1574 г. и Виленскомъ 1591 г. Потомъ, послѣ исчисленія замѣчательнѣйшихъ изданій какъ московскихъ, такъ и кіево-львовскихъ, слѣдуетъ опредѣленіе особенныхъ свойствъ и характеристическихъ признаковъ той и другой школы и сравненіе ихъ одной съ другою. Прочія школы, менѣе важныя по своей значительности, характерности и развитію, очерчены съ большею краткостью, но тѣмъ не менѣе съ достаточною опредѣлительностью и съ указаніемъ главнѣйшихъ моментовъ ихъ исторіи. Наконецъ, весь обзоръ завершается характеристикой всего вообще русскаго гравированія на деревѣ за двухъ-вѣковой періодъ, отъ 1564 по 1764 годъ.

Очеркъ исторіи гравированія на мѣди начинается, какъ предыдущій, краткимъ обзоромъ начала гравированія на мѣди въ Западной Европѣ (на основаніи вышеуказаннаго сочиненія Пассавая); потомъ слѣдуетъ описаніе нѣсколькихъ гравюръ, исполненныхъ около половины XVII вѣка иностранными мастерами по русскимъ заказамъ, и наконецъ предложенъ обзоръ собственно русскихъ гравюръ на мѣди. Здѣсь сначала говорится о граверахъ конца XVII и начала XVIII вѣка (*Московскіе*: Трухменскій, Андреевъ, Бунинъ; *Кіевскіе*: Тарасевичъ, Щирскій, Галаховскій), и представлена краткая, но вѣрная, сравнительная ихъ характеристика. Затѣмъ слѣдуютъ граверы Шхонебекъ и Пикартъ, вызванные Петромъ I-мъ

изъ-за-границы и образовавшіе цѣлую школу Петровскаго времени (Зубовы, П. Бунинъ, Томиловъ, Тепчегорскій и др.); потомъ слѣдуетъ школа Вортмана, послѣ нея школа Шмидта, и наконецъ Чемесовъ и нѣкоторые другіе отдѣльные граверы, предшествовавшіе художникамъ, вышедшимъ изъ новообразованной въ 1764 г. Академіи Художествъ. Всѣ эти школы и художники охарактеризованы настолько, что читатель получаетъ удовлетворительное понятіе о ихъ значеніи. Наконецъ все завершается, какъ и въ предыдущемъ очеркѣ, характеристикой русскаго гравированія на мѣди за все время отъ середины XVII до середины XVIII вѣка.

Словарь граверовъ соединяетъ въ себѣ, въ алфавитномъ порядкѣ, перечисленіе русскихъ граверовъ на деревѣ и на мѣди отъ 1564 по 1764 годъ, причемъ слиты вмѣстѣ (какъ и слѣдуетъ) граверы обоехъ родовъ. Сюда вошли, правда, только тѣ изъ числа граверовъ, которые обозначали свои произведенія или полнымъ своимъ именемъ, или монограммою; но такъ какъ при этомъ, по необходимости, не могъ войти въ составъ словаря весь многочисленный классъ граверовъ безъименныхъ, которые однако же играютъ въ исторіи нашей гравюры важную роль, то авторъ, сознавая, что такое опущеніе произвело бы замѣтную неполноту въ исторіи русскаго гравюры, заявляетъ въ примѣчаніи 26-мъ первой главы свое намѣреніе въ скоромъ времени «представить описаніе всѣхъ гравюръ, находящихся при славянскихъ книгахъ, изданныхъ въ Россіи и за границею (по типографіямъ), съ общимъ сравнительнымъ указателемъ по предметамъ, по образцу энциклопедіи аббата Зани». Безъ сомнѣнія, такое описаніе будетъ лучшимъ дополненіемъ и заключеніемъ къ нынѣшнему труду г. Ровинскаго. Что же касается до словаря, вошедшаго въ составъ нынѣшняго труда, то онъ, по отзыву рецензента, вполне заслуживаетъ всякаго одобренія. Кромѣ нѣкоторыхъ недостатковъ, впрочемъ не имѣющихъ особенной значительности, словарь представляетъ соединеніе самыхъ полныхъ свѣдѣній, какія можно было собрать изъ имѣющихся на лицо матеріаловъ. При имени cadaго гравера показано время, когда онъ жилъ, родъ гравюры, которою онъ занимался, исчисленіе его произведеній. О самыхъ рѣдкихъ изъ нихъ показано, въ какой общественной или частной коллекціи они находятся; наконецъ, размѣры cadaго отдѣльнаго эстампа обозначены французскими дюймами и линиями. Нѣкоторыя статьи словаря, какъ наприм. Вортманъ, Алексѣй Зубовъ, Иванъ Зубовъ, Пикартъ, Иванъ

Соколовъ, Тепчегорскій, Трухменскій, Тарасевичъ, Щирскій, Штенглинъ, Шхонебекъ, Чемесовъ и нѣкотор. другія, обработаны съ такою подробностью и съ такимъ обиліемъ свѣдѣній, даже чисто біографическихъ, что не оставляютъ ничего желать ни историку, ни критику, ни любителю эстамповъ.

Указавъ такимъ образомъ на составъ, планъ и способъ разработки представленнаго г. Ровинскимъ сочиненія и обративъ вниманіе на тѣ качества, которыя дѣлаютъ его явленіемъ весьма примѣчательнымъ въ нашей, еще весьма бѣдной художественной литературѣ, рецензентъ не умалчиваетъ и о нѣкоторыхъ недостаткахъ этого изслѣдованія. Недостатки эти заключаются лишь въ неполнотѣ вныхъ отдѣльныхъ частей, или въ неудовлетворительности и невѣрности нѣкоторыхъ подробностей, а потому легко могутъ быть исправлены прежде выхода сочиненія въ свѣтъ. Чтобы облегчить эти исправленія, рецензентъ представляетъ рядъ подробныхъ указаній на тѣ мѣста сочиненія, которыя, по его мнѣнію, требуютъ измѣненія. Для этого автору не нужно будетъ приступать ни къ новымъ разысканіямъ, ни къ какой либо новой работѣ: достаточно будетъ принять въ соображеніе сдѣланныя г. Стасовымъ дополненія и исправленія, чрезъ что изслѣдованіе о гравированіи можетъ выиграть въ полнотѣ и точности.

Послѣ тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія сочиненія г. Ровинскаго рецензентъ заключаетъ, что это сочиненіе принадлежитъ къ числу примѣчательнѣйшихъ трудовъ объ искусствѣ, появившихся въ нашемъ отечествѣ. Богатство матеріаловъ, основательность ихъ разработки и вѣрная оцѣнка характера отдѣльныхъ художниковъ, составляютъ въ немъ такое достоинство, при которомъ оно можетъ, безъ всякаго сомнѣнія, служить важнымъ пособіемъ для изученія одной изъ отраслей художественной дѣятельности въ Россіи въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій, отъ второй половины XVI и до второй половины XVIII вѣка. Предложенныя въ разборѣ г. Стасова замѣчанія и пополненія нисколько не клонятся къ уменьшенію достоинства или значительности труда г. Ровинскаго: они доказываютъ только обширность предмета, и если даже послѣ работъ автора оставалась возможность для этихъ частныхъ замѣтокъ, то легко получить понятіе о томъ трудѣ и той обширности изысканій, которые были необходимы для составленія этой книги, столько же богатой по содержанію, сколько добросовѣстной по разработкѣ.

На этомъ основаніи г. Стасовъ считалъ сочиненіе г. Ровинскаго достойнымъ большой Уваровской преміи.

При этомъ остается замѣтить, что независимо отъ сдѣланныхъ г. Стасовымъ указаній на тѣ исправленія и дополненія, которыя могли бы быть введены въ рукопись г. Ровинскаго, академикъ П. П. Пекарскій, разсматривавшій также это сочиненіе, представилъ и съ своей стороны нѣсколько подобныхъ же указаній.

II.

Кирилль и Меѳодій, какъ православные проповѣдники у западныхъ Славянъ, въ связи съ современною иль исторіею церковныхъ несогласій между Востокомъ и Западомъ. Сочиненіе П. Лавровскаго. Харьковъ. 1863 года.

Коммиссія, въ своемъ приговорѣ объ этомъ сочиненіи, приняла въ основаніе отзывъ о немъ г. профессора Императорскаго Московскаго Университета О. М. Бодянскаго, къ которому обращалась съ просьбою сообщить свое мнѣніе объ этомъ трудѣ, какъ къ такому ученому, который самъ избралъ жизнь и дѣятельность славянскихъ просвѣтителей предметомъ своихъ особенныхъ занятій и обогатилъ нашу литературу прекраснымъ изслѣдованіемъ о времени происхожденія славянскихъ письменъ — трудомъ, удостоеннымъ въ 1856 г. половиною Демидовской преміи.

Въ доставленной имъ рецензій, г. Бодянскій прежде всего опредѣляетъ задачу, за которую взялся авторъ, а также его взглядъ на нее. Посвятивъ свое сочиненіе незабвеннымъ для всего славянскаго міра двумъ братьямъ, Кириллу и Меѳодію, сыновьямъ одного богатаго Солунскаго вельможи первой половины IX вѣка, г. Лавровскій предлагаетъ ихъ исторію только со времени отбытія ихъ къ Западнымъ Славянамъ и продолжаетъ ее до самой кончины ихъ обоихъ. Но въ этой исторіи содержится не простое, болѣе или менѣе подробное перечисленіе фактовъ: въ ней объясняется и связь этихъ фактовъ съ исторіею церковныхъ несогласій между Востокомъ и Западомъ. Такимъ образомъ, жизнь Кирилла и Меѳодія до появленія ихъ между Западными Славянами, ихъ воспитаніе, путешествія къ разнымъ народамъ для проповѣди Евангелія, изобрѣтеніе славянскихъ письменъ, начало перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ — все это не входитъ въ кругъ изслѣдованій автора. «Эти предметы, говоритъ онъ, уже подвергались разнообразнымъ изслѣдованіямъ и

предлагают довольно богатую литературу для желающих ознакомиться съ отвѣтами на такіе вопросы». Г. Лавровскій избралъ для своихъ разысканій вторую половину жизни знаменитыхъ Солунцевъ и отношеніе ихъ къ православной и римской церквамъ, между которыми въ эту пору начиналось соперничество. Такой выборъ сдѣланъ авторомъ по той причинѣ, что рассматриваемый имъ вопросъ доселѣ почти никѣмъ не былъ затронутъ. Конечно, это не значитъ, что писавшіе о Кириллѣ и Меѳодіи совершенно ничего не говорили объ ихъ отношеніи къ названнымъ церквамъ; но никто изъ нихъ не считалъ нужнымъ вдумываться въ эти отношенія и уяснять себѣ, почему одни причисляютъ славянскихъ просвѣтителей къ православной церкви, а другіе къ римско-католической. Это-то различіе свидѣтельствъ, чуть не голословныхъ, и побудило г. Лавровскаго подвергнуть спорное дѣло рассмотрѣнію на основаніи источниковъ, доступныхъ изслѣдователю въ наше время, и въ итогѣ вывести заключеніе, кто изъ препирающихся наиболѣе приблизился къ правдѣ.

По внимательномъ рассмотрѣніи доселѣ извѣстныхъ и доступныхъ источниковъ, г. Лавровскій приходитъ къ убѣжденію, что ими одними нельзя довольствоваться, потому что во всѣхъ нихъ не найдти рѣшительнаго отвѣта на выставленный вопросъ. Ни въ западныхъ, ни въ восточныхъ показаніяхъ нѣтъ прямого свидѣтельства въ пользу исключительной принадлежности Кирилла и Меѳодія къ той или другой церкви, въ томъ духѣ, какой образовался въ ней по отдѣленіи ея отъ несогласной съ нею церкви; и въ восточныхъ и западныхъ источникахъ братья являются единственно правовѣрными. Этою неопредѣлительностью слова «правовѣріе» въ самыхъ источникахъ о жизни и дѣятельности Кирилла и Меѳодія и пользуются писатели противоположныхъ сторонъ: одни говорятъ, что правовѣріе Солунцевъ было правовѣріе Запада, а другіе, наоборотъ, утверждаютъ, что правовѣріе ихъ—правовѣріе Востока.

При такой неопредѣлительности источниковъ, принадлежащихъ разнымъ вѣкамъ и народамъ, единственное средство уяснить дѣло, по мнѣнію автора, заключается въ «установившемся и выяснившемся характерѣ той и другой церкви и въ степени послѣдовательности и соотвѣтствія распоряженій ихъ обѣихъ по тому же самому предмету, какъ во время жизни Кирилла и Меѳодія въ другихъ мѣстностяхъ, такъ и по смерти ихъ въ области самоличной ихъ проповѣди».

Дѣйствительно, при помощи этого средства, г. Лавровскій весьма успѣшно уясняетъ всѣ мнимыя несообразности и противорѣчія несомнѣнно-вѣрныхъ источниковъ и устраняетъ личный произволъ въ ихъ толкованіи, причемъ приводитъ къ одному знаменателю и окончательно сглаживаетъ и разрѣшаетъ странное несогласіе во взглядѣ на важнѣйшія обстоятельства дѣятельности Солунскихъ проповѣдниковъ, замѣчаемое у славянскихъ писателей-католиковъ, какъ между собою, такъ и съ писателями юго-восточныхъ Славянъ. Трудности, съ которыми автору приходилось при этомъ бороться, будутъ понятны, когда скажемъ, что, относительно почти каждаго факта въ жизни Кирилла и Меѳодія, надо было возстановлять настоящее показаніе древняго памятника, то очищая его отъ вольныхъ толкованій прежнихъ писателей, то распутывая хитросплетенія неблагонамѣренной діалектики, или же указывая на извращеніе событія въ сторону, болѣе согласную съ предвзятою мыслью и съ религіозно-политическими убѣжденіями партіи, къ которой принадлежалъ писатель. Изъ этихъ трудностей г. Лавровскій вышелъ побѣдителемъ; изысканія его, частью произведенныя непосредственно имъ самимъ, частью заимствованныя имъ отъ другихъ, но переработанныя и вполне усвоенныя, отличаются большою тщательностью; соображенія его мѣтки и умѣстны. Строгая точность въ приведеніи чужихъ мнѣній; выводы, истекающіе сами собою изъ стройнаго ряда поисковъ; логичность и связность доказательствъ; возможная для добросовѣстнаго критика сдержанность и непредубѣжденіе — вотъ отличительныя, по мнѣнію рецензента, черты этого замѣчательнаго сочиненія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что трудъ г. Лавровскаго, по важности выведенныхъ имъ итоговъ, сдѣлается необходимой для всякаго славяниста книгой, съ которой будетъ легко начать рядъ дальнѣйшихъ разысканій, но которой никакъ нельзя обойти никому изъ занимающихся этимъ предметомъ.

Эти итоги, полученные при помощи полнаго разсмотрѣнія отношеній просвѣтителей Славянскихъ племенъ къ церквамъ Восточной и Западной, и наоборотъ, іерархіи той и другой церкви къ Солунскимъ проповѣдникамъ во время ихъ жизни и впослѣдствіи, въ теченіе цѣлыхъ десяти вѣковъ, заключаются въ слѣдующемъ: вся дѣятельность Кирилла и Меѳодія на Славянскомъ Западѣ, вездѣ и во всемъ, свидѣтельствуетъ о ихъ неизмѣнной вѣрности Церкви Восточной и ея догматамъ и обрядамъ. Пока имѣлась въ виду поддержка Византійскаго государя ихъ планамъ, папы оказывали тер-

нимость въ отношеніи Греческихъ вѣроучителей и вводимого ими порядка въ Моравіи и Панноніи, полагая, что чрезъ это склонять и самихъ Солунцевъ дѣйствовать въ духѣ Римской куріи; когда же замѣчали, что съ Востока дулъ противный вѣтръ, лична тотчасъ снималась, расположеніе смѣнялось негодованіемъ, и начиналось гоненіе. Разубѣжденіе папы въ сочувствіи Меѳодія къ его мірскимъ цѣлямъ явственно обнаружилось вскорѣ послѣ смерти сего послѣдняго осужденіемъ всей его дѣятельности, послѣдствіемъ чего было изгнаніе учениковъ его, а съ тѣмъ вмѣстѣ и подавленіе навсегда въ этихъ странахъ восточнаго православія. Критическое обозрѣніе отношеній новоприбывшихъ вѣроучителей къ прежнимъ проповѣдникамъ у Западныхъ Славянъ и къ первосвященнику, въ патриархатѣ котораго они находились, убѣдило автора, что вся запутанность въ вопросѣ, къ какой церкви принадлежали Кириллъ и Меѳодій, происходитъ преимущественно отъ того, что писатели объ этомъ предметѣ недовольно уяснили себѣ упомянутыя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, неустановившіяся отношенія Рима къ Византіи и ея къ Риму въ эпоху начала церковнаго разьединенія, совпадавшаго съ пребываніемъ Солунцевъ въ западномъ патриархатѣ, должны были сообщить неопредѣленность и отношеніямъ самихъ Кирилла и Меѳодія къ той и другой церкви, и сдѣлать ихъ какъ бы колеблющимися, къ кому пристать и кого слушаться. Г. Лавровскому, съ одной стороны, удалось, какъ мы уже сказали, раскрыть согласіе братьевъ съ тою церковью, къ которой они принадлежали по рожденію и долговременному служенію, а съ другой стороны, объяснить, что, не смотря на разногласіе Востока и Запада, Кириллъ и Меѳодій не отвергали правъ Рима надъ тѣми странами, въ которыя они были призваны. Въ этомъ не было ничего новаго или необычайнаго, потому что и самъ Востокъ подсудность этихъ земель въ церковномъ отношеніи всегда признавалъ за Римомъ. Однакожъ признаніе этой зависимости не простиралось до угожденія какъ папѣ, такъ и тамошнему духовенству: Кириллъ и Меѳодій всегда отдѣляли, со всею строгостію и осмотрительностью, лица отъ церкви, вооружаясь противъ первыхъ, сколько могли, коль скоро замѣчали въ нихъ уклоненіе отъ правовѣрія и догматовъ, принятыхъ Вселенскою церковью.

Исчисливъ достоинства труда г. Лавровскаго и представивъ главные выводы его изслѣдованій, рецензентъ заключаетъ свой разборъ указаніемъ на незначительные недостатки этого труда,